Владимир Андреевич Успенский – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математической логики и теории алгоритмов механико-математического факультета МГУ. В то же время его имя хорошо известно и лингвистам: ему принадлежит ряд работ по лингвистике, и, что самое важное, он стоял у истоков специального лингвистического образования в нашей стране.

За полвека научной деятельности В.А. Успенский опубликовал много книг и статей. И дело не в количестве, а в большом разнообразии их проблематики: математика и философия, лингвистика и культуроведение, русская история и недавнее прошлое, свидетелем которого он был. В связи с его 70-летним юбилеем, отмечавшимся в 2000 г., возникла идея собрать вместе его публикации на разные темы, интересные для достаточно широкого читателя, прежде всего гуманитария. И хотя в издание не включены составляющие большую часть работ В.А. Успенского публикации по "чистой математике", в итоге получились 1405 страниц, которые по техническим причинам пришлось разбить на два тома. Хотя почти все тексты, включенные в книгу, ранее публиковались, но, собранные вместе, они смотрятся совсем по-иному. Некоторые из них снабжены дополнениями и комментариями автора, сделанными в 2001 г.

Книга делится на шесть частей (три первые части составляют первый том, три остальные – второй том, который по объему почти вдвое больше первого). Эти части озаглавлены "Философия", "Избранные предисловия", "Языкознание", "Филология", "Воспоминания и наблюдения", "Памяти учителей и коллег"; в качестве приложения печатаются тексты академика А.Н. Колмогорова, адресованные В.А. Успенскому.

Две первые части книги в наибольшей степени связаны с основной специализацией ученого. Среди его работ по математике отобраны те, которые могут быть в наибольшей степени интересны читателю-неспециалисту; в большинстве они связаны с общими проблемами методологии науки и представляют интерес для ученых самого разного профиля.

Часть "Языкознание" является собранием статей В.А. Успенского по данной тематике за четыре с половиной десятилетия. Многие из этих статей получили широкую известность. Собранные вместе, они хорошо показывают историю отечественной науки о языке за данный период. В конце 50-х и начале 60-х годов – становление математических методов в лингвистике, попытки строго и формально определить основные лингвистические понятия. В 70-е годы – переход к более содержательным концепциям, разработка теории синтаксиса с учетом семантики. В 90-е годы – интерес к конкретным фактам, все большая связь лингвистики с культуроведением и литературоведением, рассмотрение фактов языка в общественном контексте. Последний этап также отражен в следующей части книги, озаглавленной "Филология", целиком состоящей из статей последних лет.

Особо следует отметить часть книги, названную "Воспоминания и наблюдения". Она неоднородна по тематике, но прежде всего хочется выделить две темы. Одна из них – сохранение памяти о замечательных людях, которых посчастливилось знать В.А. Успенскому. Среди них особо выделены выдающийся литературовед Ю.М. Лотман и математик А.Н. Колмогоров, которого автор по праву называет великим ученым. Андрей Николаевич Колмогоров – постоянный герой книги его ученика, а затем и младшего коллеги В.А. Успенского, о нем заходит речь в разных ее частях, обстоятельно рассказывается о его характере, привычках, научных и общественных принципах. Эта же проблематика продолжена в разделе "Памяти учителей и коллег", составленном из статей мемориального характера о людях, у которых учился или с которыми работал Владимир Андреевич. Здесь представлены математики: С.А. Яновская, П.С. Новиков, П.С. Александров и вновь А.Н. Колмогоров. Здесь же представлены и лингвисты: В.Ю. Розенцвейг, Л.В. Кнорина. Следует также отметить, что во всей книге постоянно рассказывается о тех или иных людях разных специальностей, покойных и здравствующих, с которыми

судьба сталкивала ее автора. Он всегда старается показать живых людей, с их особенностями, привычками, иногда чудачествами. В.А. Успенский подчеркнуто пристрастен в своих оценках, одних своих персонажей он любит, других недолюбливает и не скрывает этого. Со многим можно спорить, но всегда его характеристики интересны.

Вторая тема "Воспоминаний и наблюдений" — история создания и становления первого в нашей стране центра подготовки специалистов по лингвистике. Речь идет об основанном в 1960 г. отделении филологического факультета МГУ, в разные годы именовавшемся Отделением теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ), затем Отделением структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ), наконец, вновь Отделением теоретической и прикладной лингвистики.

В книге ярко характеризуется "романтический" период советской науки о языке — вторая половина 50-х и первая половина 60-х гг. XX века. Тогда рухнули многие барьеры между нашей и зарубежной наукой, молодое поколение ученых энергично взялось за освоение новых методов. Эта деятельность не сводилась только к задаче "догнать" западную лингвистику; считали необходимым ее "перегнать". Казалось, что еще немного — и будет создана всеобъемлющая теория языка, позволяющая раскрыть его тайны. Одним из необходимых условий построения такой теории признавалась математизация лингвистики, создание строгих и формальных моделей языка. Сложилось содружество лингвистов и математиков. В.А. Успенский, у которого брат и ряд друзей профессионально занимались лингвистикой, оказался в центре этого содружества.

В числе стоявших на повестке дня задач оказалось создание центра подготовки специалистов по "новой лингвистике". Традиционное филологическое образование не могло помочь. Автор воспоминаний стал одним из основных инициаторов открытия такого учебно-научного центра. В книге подробно описывается нелегкая борьба за его открытие. В итоге на филологическом факультете МГУ было сформировано отделение, которое возглавил В.А. Звегинцев. Студентам преподавали не только лингвистические курсы, но и программирование, основы кибернетики и, в первую очередь, большое число математических курсов.

Первые годы отделения были достаточно трудными и из-за противодействия "традиционалистов", и по внутренним причинам. В те годы еще не считалось нужным копировать опыт "цивилизованных стран" (который,

впрочем, и мало знали). Создатели ОТИПЛ руководствовались смелой идеей создать учебно-научный центр, действительно не имевший аналогов в мире. Среди мер, предпринятых для привлечения на отделение способных людей, важное значение имели проводившиеся отделением с 1965 г. школьные олимпиады по языковедению и математике, как они первоначально назывались. Первая олимпиада по предложению председателя ее оргкомитета В.А. Успенского была названа "первой традиционной". И это было символично: энтузиасты создавали традиции, которые, как они считали, должны сохраняться на многие годы. И их надежды в целом оправдались.

Тем не менее, сложностей было немало. Нельзя было опереться на какой-либо опыт, каждый год что-то менялось, по существу шли эксперименты на людях, пусть неизбежные в новом деле. Автор рецензии, поступивший на ОСИПЛ через три года после организации отделения, многое про его первые годы узнал из книги впервые: в 1963 г. все было в большой степени не так, как в 1960 г. Эксперименты на людях сломали судьбы многих студентов. Но все-таки в итоге ОТИПЛ—ОСИПЛ—ОТИПЛ дал нашей науке о языке много ныне известных специалистов, имена которых перечисляет В.А. Успенский. Отделение, в отличие от других центров подобного типа, создававшихся в 60-е гг. в разных городах СССР, сумело сохраниться до сего дня, несмотря на многие трудности и испытания.

Многое становилось ясным со временем. Многие представления "романтического" периода оказались утопическими. В том числе это относилось и к идеям о всемогуществе математических методов в лингвистике. И здесь мы подходим к занимающему много места в книге одному из наиболее спорных ее разделов, посвященному разгоревшемуся в 1967–1968 гг. "конфликту двух Владимиров Андреевичей" — Успенского и Звегинцева. В ходе разработки новых учебных планов коллективом отделения и созданной к тому времени кафедры структурной и прикладной лингвистики были предложены две идеи. Одна из них предусматривала расширение на отделении лингвистических курсов, другая — сокращение в связи с этим математики — "венчленного" предмета, как его называл тогдашний заместитель декана факультета. В.А. Успенский, соглашаясь с первым, резко выступил против второго. Возглавлявший отделение и кафедру В.А. Звегинцев отстаивал уменьшение числа часов на математику. Разгорелся спор, очень подробно описанный в рецензируемой книге. В него, как обычно бывает в подобных слу-

чаях, вмешались самые различные силы вне кафедр и отделений. Автор воспоминаний ни в чем не отступает от своей тогдашней позиции и считает ее единственно правильной. Однако возможны и другие точки зрения. В целом программа стала более продуманной и систематичной, уровень лингвистической подготовки после 1967 г. возрос, а математика, как нам представляется (в том числе исходя из собственных воспоминаний тех лет), заняла подобающее ей место. Автор книги, тогда потерпевший поражение и временно отошедший от отделения, до сих пор, как видно из его повествования, болезненно переживает ту ситуацию. Поэтому он весьма критически оценивает действия своего оппонента В.А. Звегинцева и дает ему в целом негативную характеристику, с которой мы не можем согласиться. Для понимания подобной ситуации надо знать позиции обеих сторон. Но, к сожалению, другой Владимир Андреевич скончался, не оставив воспоминаний.

В целом же, на наш взгляд, В.А. Успенский совершенно прав, говоря на с. 1011–1013 о том, что мемуары нужно писать. Безусловно, мемуаристов постоянно подводят память и аберрации сознания, они неизбежно пристрастны, но дело историка – слышать источники и выработать методику корректировки. Невосполнимо только одно: когда человек ушел и унес с собой известную ему информацию. А в рецензируемом двухтомнике речь идет о событиях, казалось бы, совсем недавних, но уже ставших историей. Мы слишком часто беспечны и нелюбопытны и не храним память о том, что нас окружало. Уже поэтому нельзя не отметить то, что сделал и продолжает делать В.А. Успенский.

Но его книга за пределами ее собственно научной части далеко не сводится к мемуаристике. Весь ее второй том, а также некоторые статьи в первом томе (например, статьи о транслитерации, об устном и письменном языке) – множества всегда ярких по форме и зачастую очень интересных по содержанию рассуждений выдающегося эрудита на самые разные темы. Иногда такое рассуждение вырастает в целую статью, иногда оно имеет характер экскурса в статье, казалось бы, посвященной совсем иным сюжетам. Часто автор увлекается той или иной пришедшей по ассоциации мыслью и уходит очень далеко. Здесь, разумеется, есть нечто от известной формулы: "Что вижу – о том пою", набор сюжетов выглядит зачастую случайным, но полет мысли оправдан уже хотя бы тем, что читать В.А. Успенского всегда интересно. Он пишет и о причинах поведения Павла I, и о подаче информации в Большой советской энцикло-

педии, и о Третьяковском, и о Маяковском, и о жанре пародии, и об иероглифике в Китае и Японии, и о многом-многом другом. В короткой рецензии невозможно хоть сколько-нибудь подробно все это охарактеризовать.

Отмечу лишь три вещи. Во-первых, большей частью все эти экскурсы при их разнородности имеют нечто общее: они так или иначе посвящены вопросам культуры. В наши дни такая направленность закономерна: гуманитарные науки преодолевают тенденцию к обособлению друг от друга, преобладавшую и у нас, и на Западе в течение большей части XX века и на более высоком уровне возвращаются к уже наблюдавшемуся столетие назад стремлению объединить разные науки вокруг общего стержня – человеческой культуры. История, литературоведение, этнология, лингвистика и другие науки ищут способов вступить между собой во взаимодействие не менее энергично, чем искали взаимопонимания полвека назад лингвистика и математика. К этому добавляется увеличивающийся интерес к конкретному факту (также на более высоком уровне происходит возврат к такому интересу, существовавшему в эпоху позитивизма, а затем временно сменявшемуся стремлением к общим схемам и дедуктивным построениям). И В.А. Успенский, сам, может быть, того и не сознавая, отразил в своем разностороннем научном творчестве общие тенденции развития мировой науки за полвека.

Однако вступает в силу второе соображение: такая широта имеет и оборотную сторону. Иногда все-таки автор слишком явно увлекается рассуждениями на темы, далекие от своих профессиональных интересов. Например, может быть, ему лучше было бы не касаться проблемы принадлежности Курильских островов. Всего на одной странице (с. 500–501) В.А. Успенский пробегает по этой теме и заявляет о необходимости скорейшей передачи спорных островов Японии, не учитывая ни многочисленную литературу по данному вопросу, ни достаточно серьезные аргументы противоположной стороны.

Гораздо интереснее те случаи, когда автор обращается к вопросам, лежащим ближе к лингвистике, но выходящим за рамки его непосредственных научных изысканий. Здесь взгляд "со стороны" может увидеть нечто, что зачастую трудно заметить узкому специалисту. Разберем лишь по проблематике близкий автору рецензии фрагмент о иероглифике.

В.А. Успенский в целом весьма точно описывает систему китайской и японской письменности и выдвигает гипотезу, которую сам "не считает достаточно серьезной": "имеются данные..., что знаки syllabического письма

хранятся в левом полушарии мозга, а иероглиф — в правом. При переходе к фонетической орфографии предстоит переместить значительную часть графической информации (а именно, ту часть, которая представлена иероглифами) из правого полушария в левое. Гипотеза состоит в том, что японское самознание противится такому перемещению не только из понятного консерватизма, но и по следующим двум причинам. Во-первых, они не хотят выводить графику из правого полушария, которое управляет столь любимыми ими и столь совершенно осуществляемыми наклонностями и занятиями — в частности, созерцанием... Во-вторых, они не хотят перегружать левое полушарие, и без того перегруженное логикой современной жизни" (с. 550). Эта "несерьезная" гипотеза достаточно интересна, хотя вряд ли в цитате перечислены все причины устойчивости иероглифов: нельзя не учитывать, например, их роль в снятии омонимии. В то же время где-то автор вынужден доверяться своим источникам, не имея возможности самостоятельно их проверить. Поэтому он, например (с. 544–546), переоценивает для современного языка роль так называемых ключей, которые по большей части дают лишь приблизительное указание на семантику иероглифа, а то и вовсе утратили с ней связь. Понятность китайского или японского текста в письменном, а не в устном виде определяется, в первую очередь, другими факторами: в Китае фонетика разных диалектов сильно расходится, а иероглифика едина для всей страны, в Японии же очень значительна омофония, снимаемая в иероглифической записи.

И третье. При столь огромной эрудиции автора и большом объеме его изысканий невозможно совсем избежать фактических неточностей и необоснованных заключений (тем более что В.А. Успенский, постоянно пользующийся материалом энциклопедий и справочников, не может в некоторых случаях не обращаться к собственной обширной памяти, которая иногда подводит любого). Приведем лишь несколько примеров. Композитору А.П. Бородину, умершему в 1887 г., приписывается участие в создании квартета, сочиненного в 1899 г. (с. 497). Московская станция метро "Алексеевская" имела когда-то название "Мир", но не "Проспект мира", как сказано на с. 500. На с. 532 сказано: "Помнит ли читатель, что *Президент СССР* писалось с большой буквы, а *президент США* с малой?"; однако такое разграничение по-прежнему существует: и сейчас официальный титул — *Президент России*, а титул президента США по-прежнему пишут с малой буквы. Влади-

мир Ильич Ульянов действительно подписывался как Н. Ленин, но, вопреки сказанному на с. 761, не именовал себя Николаем Лениным. Королева Елизавета названа "супругой короля бельгийцев, покровительницей музыкальных конкурсов, чуть ли не другом Советского Союза" (с. 792) без указания на то, что все это происходило в разное время: покровительницей конкурсов и (действительно) другом СССР она была в годы, когда была уже даже не матерью, а бабушкой бельгийского короля. На с. 928 говорится о "Министерстве среднего машиностроения... при Сталине и Берии", хотя данное наименование появилось как раз в 1953 году. Молотов, Маленков и другие были исключены из партии не в 1957 г. (с. 1019), а в 1961 году. Присуждение А.А. Зализняку степени доктора наук за кандидатскую диссертацию в 1965 г. было необычным событием, но все-таки в филологических науках к тому времени не единственным, как это получается в книге. Например, в 1953 г. степень доктора за кандидатскую диссертацию была присуждена специалисту по японскому языку А.А. Пашковскому. Но для столь обширной книги такого рода неточности встречаются не так уж часто.

Можно высказать и некоторые другие мелкие замечания. Иногда автор предлагает тем или иным событиям свои объяснения, хотя нетрудно было бы установить реальную ситуацию (при этом для всего происшедшего в советский период нашей истории он склонен искать политические причины). Приведем лишь один пример: на с. 721 появление только в дополнительном томе второго издания БСЭ статей по бирманской и вьетнамской литературе произвольно объясняется "повышением государственного статуса соответствующих тем". Причина, однако, была гораздо проще: к 1950–1951 гг., когда писались статьи для первых томов издания, у нас просто не было никакой информации по соответствующим литературам, а ко времени написания дополнительного тома (1957 год) она появилась. Вызывает возражение эпитет "серебряный век" применительно к начальному периоду развития структурной и математической лингвистики в СССР: для многих носителей русского языка, включая автора рецензии, исконное значение этого эпитета не стерлось, и он противопоставлен "золотому веку", существовавшему до него. В данном же случае получается, что история данной области науки началась прямо с "серебряного века". Впрочем, в современном словоупотреблении это словосочетание уже во многом приобрело иную окраску, ни с каким "золотым веком" не связанную.

Но, безусловно, все эти неточности и спорные места – не главное в книге. Среди многих достоинств двухтомника трудов В.А. Успенского хочется отметить одно: книга в самом хорошем смысле диалогична. Автор на всем ее протяженном пространстве ведет мысленную беседу с читателем, спорит, доказывает, предвосхищает его вопросы и реакции. И чи-

татель не остается равнодушным: где-то он соглашается с автором, где-то с ним мысленно спорит, но всегда отдает должное объему его знаний и масштабу его личности. И это, прежде всего, хочется отметить.

В.М. Алпатов